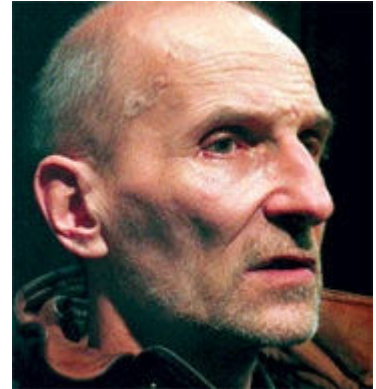

Не так давно в Екатеринбурге прошли два выступления Петра Мамонова: сначала состоялся литературный вечер «Шоколадный Пушкин», а затем зрители увидели балет «Мыши + зелененький». Определение жанров — авторское, искать их признаки в спектаклях бессмысленно: не было ни литературного вечера, ни балета. Что происходило на сцене? На сцене был Петр Мамонов. Он пел, играл на музыкальных инструментах, танцевал и выделял акробатические трюки. Он обращался к публике — шепотом, воплем, смехом — и уходил в себя прямо под взглядами сотен людей, становясь недоступным. Шутовски гримасничал и принимал немислимые позы. Перевоплощался мгновенно — из «дядечки особенного», который «много-много лет просидел в пыли» в «такого крупнейшего писателя», и из «слона большого, как неработающий холодильник» в «маленького бессмысленного кролика»... Кто же он, Петр Мамонов — легендарный рок-музыкант, гениальный актер или автор шифрованных поэтических текстов?

Ему уже немало лет — он родился 14 апреля 1951 года. Его необычайный артистизм проявился еще в детском возрасте в довольно причудливых формах: из двух средних школ его выгнали за то, что он «устроивал цирк». В графе об образовании у него запись о «незаконченном высшем», а в списке профессий — грузчик, банщик и лифтер. При этом Петр Николаевич владеет четырьмя языками.

Талант Мамонова как рок-музыканта известен давно, в 80-е знаменитую группу «Звуки Му», лидером которой он был, любили миллионы тогда еще советских людей, а тексты песен цитировались далеко за пределами сообщества меломанов. С 1988 года группа начинает выезжать за пределы СССР, выступает в Будапеште, Варшаве. В Италии знакомится с известным британским музыкантом и продюсером, бывшим участником ROXY MUSIC **Брайаном Ино**, и в 1989-м в Британии выходит дебютный альбом группы. У «Звуков» появляется реальная перспектива стать первой российской группой с известностью мирового масштаба, но... в конце того же года группа распадается.

Петр Мамонов

В конце 80-х мир узнал о другом, не менее ярком таланте Петра Мамонова — он дебютирует в кино, в фильме «Игла» **Рашида Нугманова**, в роли главного отрицательного персонажа и оппонента героя Виктора Цоя; в 90-м — снимается в фильме «Такси-блюз» **Павла Лунгина** в роли отставного музыканта Селиверстова. Были и другие фильмы: «Анна Карамазов» (1991), «Нога» (1991), «Терра инкогнита» (1994) и «Время печали еще не пришло» (1995).

В начале 90-х годов Мамонов сыграл главную роль в пьесе «Лысый брюнет», написанной специально для него и поставленной в театре им. Станиславского — так Петр Мамонов стал актером театра.

Великий танцовщик **Вацлав Нижинский**, перестав танцевать и став человеком религиозным, в своих дневниковых записях называл себя «клоуном божьим». На мой взгляд, это определение подходит и Петру Мамонову, характеризует его творчество много точнее, чем сухое «музыкант», «актер» или «поэт». Как и Нижинский, став человеком глубоко верующим, сцену он (к счастью для нас, зрителей) не покидает, оставаясь Божьим клоуном в своих спектаклях, и проповедником — в рассуждениях на самые разные темы.

О рае, аде и прогрессе

— Ад — не какие-то крючки и сковородки раскаленные... Пребывание без любви — это и есть ад. Если за эту жизнь нам удастся как-то приблизиться к Богу желаниями, поступками, то, может, Господь и не оставит нас в той жизни. Поэтому все время приходится преодолевать свое «хочу», и делать все строго наоборот: хочу денег — а надо их раздавать, жадный — а надо быть щедрым, злой — а надо быть добрым, обидчивый — а надо прощать, завистливый — а надо радоваться.

Наверное, справедливо, что за бесконечное «хочу» будет расплата. И тогда уже всякие извинения — вы знаете, мне было очень тоскливо, поэтому я напился; или: мне изменила жена, и я подсел на наркотики — там не принимаются как оправдание. Там принимается только то, что смог сделать ты, человек: сломал ли ты себя, перетерпел ли ты это или нет, поддался ли соблазну — вот это будет класться на весы. Если все время об этом помнить, как-то легче становится жить и делать правильные поступки. Вот представьте себе свои поступки и жизнь, если вы знаете, что ваш день может быть последним, завтра — не будет. Наверное, вы прожили бы его иначе, чем вы обычно живете, да? Сделали бы больше добра, меньше стали бы обращать внимания на пустяки, на обидевших вас в мелочах людей, а больше бы думали о том, что сегодня последний день, а завтра надо отвечать, может, успеть сделать что-нибудь доброе, хоть маленькое, или хотя бы не сделать плохое, не думать о ком-то плохо.

— **Значит ли это, что человек не должен пытаться влиять на жизнь, не должен воздействовать на социум, и никакой прогресс невозможен?**

— Если каждый из нас будет двигаться в себе самом, то общество станет лучше. А если мы будем ходить с тряпками и кричать лозунги, продвигать какие-то законы, ничего не изменится. Опыт такой есть: пытаемся устроить благоденствие на этой земле, и что-то никак не получается, а становится все хуже, и все так называемые демократические общества, и западные, и всяческие, заходят в тупик. Я имею в виду тупик духовный, а не то, что нечего есть. Они достигли того, что есть во что обуться, одеться. Ну и что дальше? Вот и ходят обутые, сытые и не знают, чем заняться. Только тогда мир станет лучше, если ты переделаешь себя. И вокруг тебя станет лучше твоим ближним, твоим сослуживцам на работе, людям в транспорте, в магазине, — всем тем, с кем ты общаешься. Это и есть настоящий прогресс.

О Боге, таланте и искушении

— Когда вы стали верующим человеком?

— Да это тайна все, это ведь Бог дает. А не то, что я решил: вот, с завтрашнего дня стану верующим. Как-то там потихонечку... Да и пока меня назвать христианином очень трудно, потому что я человек грешный, много совершаю гадостей всяких, горд очень, самолюбив, многое делаю по-своему, и прочее. В церкви как начальный, нулевой класс, считаются первые десять лет. Я еще нулевой класс не прошел, поэтому обо мне-то речи нет. Я просто читаю книжки правильные, и все, что я говорю, — это не я сам дошел, а так пишут. Я чувствую, что это истина, потому что церковь имеет огромный опыт, люди нам оставили множество книг, где описывают путь, который прошли сами — всякие Святые угодники и Святые отцы. Там расписана каждая ступенечка: как жить дальше, о чем думать, как быть, если слабость одолеет, как с ней бороться... Практически кулинарная книга, но только в духовной борьбе.

— Тот человек, который приезжал сюда в 80-е, — это был другой человек?

— Я другой человек.

— Тогда вы пели другие песни, обращались с другим посланием?

— Да, конечно. Люди даже на протяжении месяца очень меняются. На то человек и создан, чтобы меняться, жизнь свою проживая: кто в лучшую сторону меняется, кто в худшую. А то думаешь — ну все, человек пропал, а через год его встретишь — он расцвел как цветок благоуханный. А ты поставил на нем крест, свой суд объ-явил, что это гад ползучий, что с ним нельзя общаться... Вот поэтому о людях никогда нельзя ничего такого определенного говорить, только смотреть и помнить всегда: это мудрость божья, какой бы он ни был бандюга, убийца, все равно в нем где-то тлеет, может, глубоко, но тлеет огонек. И это надо стараться искать в каждом. Если ищешь — найдешь, и в себе тоже. Себя надо любить, но себя хорошего, то истинное, что в тебе есть. Нельзя жить с собой в бесконечной ссоре: вот ты этого не делаешь, и то не так. Да, надо не потакать своим слабостям, бороться и все прочее, но любить себя надо, любить в себе то, что осталось чистое, хорошее, и вот этот огонек раздувать, раздувать, стараться.

— То количество энергии, которое вы выбрасываете в воздух, в публику, — мне кажется, это за пределами...

— Это талант называется, это дал Бог, не моя заслуга. Моя заслуга только в том, чтобы четко понимать, что я обладаю этим даром, что этот дар нельзя скомкать, зарыть в землю, продать за звонкую монету, истоптать какими-то привычками, кайфами. Его нужно стараться бережно в себе хранить, нести и отдавать — вот это заслуга лично моя, Пети Мамонова.

С даром жить трудно, люди такого рода всегда очень ранимы, потому что приходится все вбирать в себя, не получается, что до пяти ты вбираешь, а с пяти — у телевизора. Нет, ты открыт целый день, вбираешь все, и плохое, гадость всякую. Все это в тебе, все это твоя боль, в душе твоей все болит. Тогда вдруг в какой-то неожиданный момент получается песня. Вот ждешь, три месяца бывает ничего нету, ходишь-ходишь, тяжело, тоскливо, не работает ничего, а жить как-то надо, а другое делать ничего не умеешь, и приходится по дому чего-то, но это все так себе... Потом вдруг — бабах, пошло: неделю, две идет, не различаешь времени, сидишь, пишешь-пишешь чего-то. А потом опять пусто. В такие пустые минуты только Бог спасает, заполняет все эти пустоты, если не обращаешься к другим наполнителям, которые очень удобны. Стаканчик водочки выпил — вроде все отлично, но это же обман, потом приходит протрезвление, потом в десять раз хуже. И всяческие такого рода удовольствия — обман.

О бедных и богатых

— Можете ли вы представить, что с той же отдачей, с той же любовью люди могут заниматься не творчеством, а, предположим, зарабатыванием денег?

— Каждый на своем месте, каждый для чего-то предназначен. Поэтому наше главное дело — найти в жизни то, для чего ты рожден. Если мы не отрицаем существование Бога, значит, наверное, он каждого расположил как на шахматной доске: где один — такой, один — другой. Это не значит, что пешка хуже, чем король или конь, все необходимы, все ценны. Все мы работники и все мы работаем; если все на своем месте, то все значимы. И зарабатывание денег бывает разное. Бывают большие промышленники, которые создают предприятия, рабочие места, у которых, как в Японии, целые семьи предпринимательские. Им столько денег лично не надо, и дело здесь не в деньгах, они призваны делать вот это дело, чтобы создать такое огромное предприятие, чтобы люди кормились, кормили свои семьи, производили определенную продукцию. А украсть миллион, спрятаться в нору и проедать его — это не называется зарабатыванием денег, это называется воровство. Прекрасные были у нас предприниматели и промышленники, и Рябушинский, и Морозов, они церкви строили, и бедным дома. Надо делиться уметь, смотреть вокруг себя и понимать, на чем мир стоит. А мир стоит на любви, на добром отношении к ближнему. И не важно, богатый ты или бедный, отдал ты три копейки или сто миллионов — отдай, поделись, думай о ближнем. Тогда будешь счастлив, и что самое главное — мир в душе будешь иметь.

О рекламе и ТВ

— ***Вся ваша семья вовлечена в ваше творчество — жена, дети...***

— Так у нас вышло, некому это делать больше. Мы же не занимаемся коммерческой музыкой, мы — эксперимент такой, который сейчас нужен, а завтра нет, но бывают и неудачи, и всякое. Вот мы в Свердловск приехали, а нам говорят — никто вас не знает, никому и не надо.

— ***Думаю, дела обстоят не совсем так.***

— Абсолютно так. Четыре раза приезжал сын, жена приезжала, чтобы устроить здесь мой концерт. А сейчас все спрашивают: а почему вас не было так давно? А потому что не нужно никому. Потому что откровенно все продюсеры говорят: на вас денег не заработаешь, вы же не раскручены. Лучше с каким-нибудь Задорновым, с ребятами, которые по телевизору каждый день: пригласил — и сто процентов аншлаг. Все — деньги заработал.

— ***В Екатеринбурге зал оба раза был полон.***

— Полный, потому что ездили шесть раз, в рекламу большие деньги вбухали сами. А если бы не вбухали, была бы треть зала, и мы прогорели бы, а еще и влетели на деньги. Это все не так просто, как кажется со стороны, это тоже бизнес, очень тонкая вещь. А так все говорят — давай, давай, а как доходит до дела, возникают тысячи всяких «но». Ни один театр не соглашался, случайно театр мюзкомедии говорит: ну что ж, давай. А так обегали все театры города: «Как? Мамонтов? Не знаем». В Москве мы все время играем — нас знают, в Питере знают, в Киеве знают. Три города — все!

— ***Странная ситуация, я знаю здесь многих людей, которые вас очень ждали.***

— Ситуация не странная, она абсолютно нормальная. Потому что общество таково. Экран телевизионный видите — что там происходит? Там происходит то, что заказано обществом, массой людей. Ждали нас, может, какие-то ваши друзья, или люди, которые чего-то хотят, а в основном общество наше — прекрасные, может быть, люди, никто их не ругает. Но они хотят чего? Задорнова, Баскова — вот такого рода; Шуфутинский — и все такое прочее. Почему такие люди появляются — не потому, что они вылезли и пробились, а потому, что они заказаны обществом. Это общественный заказ, просто так ничего не бывает, это отражение состояния общества.

— ***С одной стороны — да, заказ общества, с другой стороны — сознательное оболванивание общества.***

— Какое оболванивание, если полные залы?!

— ***А если людям показывать только это, а больше ничего не показывать...***

— Да кто показывает-то? Вкус-то уже сформирован! И повсюду так: и Америка такая, и Европа. Обыватель всюду одинаков, и независимое искусство, что-то в искусстве подлинное и настоящее, всегда элитарно и единично, и не пользуется общественным спросом, на этом не зарабатываются деньги. Поэтому то состояние планеты Земля, состояние умов людей, все вверх ногами. Ужасно, на самом деле, все, что происходит в так называемом цивилизованном обществе, страшно. А люди бегут, бегут, бегут, не задумываясь... Но многие из них, несмотря на это, люди чрезвычайно хорошие, и живут правильно: вот она встает утром, идет на фабрику, вечером приходит домой, начинается варка, готовка, утюг, холодильник, потом спать, опять на работу, опять 30 станков. И так — 40 лет, и ни разу о себе она не подумала, а что ей хочется? И таких людей много, и на них стоит мир, и из-за них Бог еще людей прощает, иначе бы он плюнул, и все бы это рухнуло.

— **Но именно эти люди и смотрят телевизор.**

— Они смотрят, потому что у них нет времени подумать о том, что они хотят; они смотрят, что им дают.

— **Я это и имела в виду: дают-то те, у которых есть время подумать и которые сами слушают ваши концерты.**

— Это вопрос сложный... Конечно, было бы хорошо, если бы там сидели люди ответственные и давали бы прекрасные вещи, но так не бывает. В основном я говорю о так называемом классе, который ниже среднего, об этих работягах, которые живут в плохих социальных условиях, они вынуждены так жить. А на самом деле вкус этот заказывает средний класс, а он с точки зрения вкуса находится в ужасном состоянии. Или он ушел полностью в себя, в свои элитарные просмотры и все прочее, телевизор не смотрит и не обращает внимания на эту культуру. Или он в залах, где выступают все эти, о которых мы говорим. Не знаю, что здесь ответить и как с этим быть, но знаю одно: надо думать о себе, нечего в это лезть, об этом можно только иметь мнение, не надо путать осуждение с суждением.

Я сейчас никого не осуждаю, я имею свое мнение, право на это у меня есть. Да пускай они все купят, пускай у них все украдут, пускай они всюду залезут — я никому не отдам то, что у меня в душе, это всегда будет со мной, и этого у меня никто не купит и никто не отнимет. Вот если я достигну такого состояния, что куда меня ни день, как меня ни режь, ни пытай, в какую тюрьму ни посади — а мне будет хорошо с Богом, тогда, значит, я добился. Вот что такое настоящее счастье. Поэтому, живя ориентирами этого мира, вы запутаетесь: почему телевидение такое, да отчего оно... Да не знаю я, и особо меня этот вопрос не интересует.

Меня интересует, почему я вот все понимаю, а лежу и от злости киплю и успокоиться не могу, потому что мне кто-то не так сказал. Час прошел — а я все злюсь, второй прошел — а я все злюсь. И все понимаю, и молитву знаю, и про Бога знаю, и прочитал все, и в церковь ходил, и помолился — а не проходит. Такой же злой лежу, в тоске — и никак. И день прошел, и второй так же, и вот, блин, ничего не получается, а завтра играть, а надо к людям идти с открытым сердцем, с душой, с любовью, и как быть? Какие там телевидения, что происходит, да кто кого обокрал, да родился тигренок белого цвета — начхать мне на это, у меня — во! — своей работы, внутренней, важнейшей для меня, с которой я никак не могу справиться, и плачу, и реву в голос, бывает... А вдруг раз — и отпустило, и счастье безмерное нипочему, и встал — и солнышко светит, и всему рад, и ничего не произошло, и слава тебе Господи, что дал мне жизнь, вот эти ноги, что я встать могу, идти, просто ходить по улице, люди кругом... Значит, Господь пожалел, увидел, что я борюсь, не сдаюсь... Бывает, и упадешь, провалишься. Встаешь — опять заново. Как еще? Пути назад нету, двум господам служить нельзя. Все уже, попался, не скажешь: Бога нет, давай, наливай, а пошли они все, провались все пропадом, нажремся и завтра с самого утра, и послезавтра, какой там Бог — да нет там ничего!

О мире в душе и искренности

— **Так было?**

— Было, а как же. Поэтому так и трудно. Если с малых лет, да в религиозной семье, да научили бы сразу, да построже бы держали, может, легче было бы сейчас. А то — в интеллигентной семье вырос, демократия, вот и плоды. Хоть благодарю родителей, что они меня воспитали порядочным человеком, здоровым, образованным, имеющим представление о том, что такое совесть, что такое плохо, что такое хорошо. А ведь растут в таких семьях, где один мат и питье водки, и вдруг вырастают прекрасные люди. Наверное, потому, что все это надоело с юных лет, хочется другой жизни. А я вдобавок тянулся из чистого туда, где вот эти стоят, которые в 12 лет уже портвейн хлещут, — мне вот там интересно стало. Ну вот и дожил, 40 лет в кайфе прожил, а теперь пожинаю плоды, все истоптано в душе, изжевано, по клочкам приходится все собирать. Так чего же я хочу? Какого я хочу мира душевного и счастья и покоя? С какой стати? За какие такие дела? В живых хоть остался, слава тебе Господи. А хочется мира в душе. Ишь ты! Хорошо еще, что при этой жизни расплачиваюсь. Бог милостив. Можно теперь за что-то расплатиться.

— **Все это можно публиковать?**

— Вам судить. Можно. А иначе разговаривать зачем, «хи-хи-хи»? Или молчать надо, или разговаривать искренне о том, как есть. Или делать вид. А делать вид чего? Тогда, извините, я занят, зайдите послезавтра?.